

Абстракция деятельности в труд — это исторический процесс трансформации, создавший социальный синтез капитализма: первоначальное накопление.

Труд существовал не всегда. Далеко не в каждом обществе специфическая деятельность, считающаяся «трудом», отделяется от общей деятельности людей. Конечно, для обеспечения продовольствием и другими основными жизненными потребностями требуется некий вид деятельности, но это не обязательно деятельность, считающаяся обременительной или отделимая во времени от других видов деятельности. Так, маршал Сахлинс в своей «*Экономике каменного века*» пишет о «характерном палеолитическом ритме — день-два активности, день-два пассивного, бесцельного времяпрепровождения в лагере. Хотя сбор продуктов питания является основной производительной деятельностью ... «большая часть времени людей (четыре-пять дней в неделю) тратится на другие занятия, такие как отдых в лагере или посещение других лагерей (Lee 1969: 74)» » (Sahlins 2004: 23). Он также цитирует наблюдателя за коренными народами Австралии, жившего в XIX веке: «Во все обычные времена года... они могут за два-три часа получить достаточный запас пищи на день, но в их бытовом обычае праздное брождение с места на место, и ленивое собирательство по дороге (Grey, 1841, т. 2: 263).» В таком обществе явно нет разделения между трудом и отдыхом, а это значит, что ни того, ни другого не существует. В докапиталистических обществах деятельность, необходимая для общественного воспроизводства, не превращалась в нечто, называемое *трудом*, и не занимала одинакового количества времени. Во Франции XV века один из каждых четырех дней года был своего рода официальным праздником, и Эренрейх отмечает, что «несмотря на репутацию того, что обычно называют «средневековьем», в качестве времени страдания и страха, период с XIII по XV вв. можно рассматривать (по крайней мере, по сравнению с последующими пуританскими временами) как одну длинную уличную вечеринку, пронизанную приступами каторжного труда» Ehrenreich (2007: 92). В Krisis Gruppe утверждают:

Рабочее время современного «белого воротничка» или фабричного «работника» больше, чем годовое или ежедневное время, затрачиваемое на общественное воспроизводство любой докапиталистической или некапиталистической цивилизацией внутри или за пределами Европы. Такое традиционное производство не было посвящено эффективности, но характеризовалось культурой досуга и относительной «медлительностью». Если не происходило стихийных бедствий, эти общества были способны обеспечить основные материальные потребности своих членов. Причём даже лучше, чем это делалось в течение длительных периодов современной истории или делается в ужасных трущобах нынешнего мирового кризиса. (1999/2004: 24, с. 9)^[1].

В докапиталистических обществах социальные отношения переплетаются иным образом. Деятельность людей объединяется в социальном плане на основе качества конкретных особых характеристик выполняемой деятельности, а не на основе абстрагирования от этих

особенностей. Если мы думаем, например, о простом общинном строе, то мы имеем дело с социализацией деятельности. Задачи распределены, люди делают что-то на благо других, но принцип социальности — это особые навыки плотника, кузнеца или повара: «Здесь общественный характер труда явно опосредствован не тем, что труд отдельного лица принимает абстрактную форму всеобщности, или, что его продукт принимает форму всеобщего эквивалента» (Marx, 1859/1971: 33–4). То же самое верно для феодального общества или общества, основанного на рабовладении: распределение задач является иерархическим, но основано на конкретных качествах предпринятой деятельности.

Труд и абстрактная социальность труда не даны природой. Они — результат исторического процесса, включающего монетизацию социальных отношений и распространение рынка, что иногда происходило без открытого конфликта^[2], но в своей основе это был кровавый и даже связанный с геноцидом процесс^[3]. Как выразился Маркс, капитал, пришедший в мир, «источает кровь и грязь из всех своих пор, с головы до пят» (1867/1965: 760; 1867/1990: 926).

Маркс описывает этот процесс в конце первого тома «*Капитала*», в своём анализе примитивного или начального накопления, где он говорит о происхождении капитализма. Суть перехода от феодализма к капитализму — движение разделения. В процессе ограждения земель люди отделяются от средств выживания (производства и потребления). Они оторваны от старых, феодальных форм социализации, в которых они производили для и зависели от очень ограниченного числа людей, и были вынуждены перейти к новой форме социализации, в которой они прямо или косвенно зависели от рынка своего выживания. Данный процесс отделения людей от земли зачастую совершался с большой жестокостью, хотя иногда это было результатом того, что крепостные бежали из феодального сообщества: они бежали от лордов так же, как и лорды изгоняли их — и тот, и другой бежали от старой формы социальных взаимоотношений. Так или иначе, результатом стало интерстициальное создание и расширение новой формы социализации, в которой люди связывались друг с другом через рынок, через обмен товарами.

Это означало преобразование деятельности людей, абстрагирование деятельности в труд. Отделение людей от земли было одновременно отделением труда от других форм деятельности, обучением новой форме деятельности, называемой «труд». Это было непросто: «Навязывание траты большей частью своей жизни на абстрактные системные порядки не всегда было таким интернализованным, как сегодня. Скорее всего, потребовалось несколько столетий грубой силы и жестокости в больших масштабах, чтобы буквально пытками загнать людей в безоговорочное служение идолу труда» (Krisis Gruppe 1999/2004: 21, с.9). Закрытие общин, отмена традиционных прав на охоту, рыболовство и заготовку древесины, ряд законов против бродяжничества, закон о бедных и создание рабочих домов, вооружённое подавление одного восстания за другим — вот шаги, которые создали общество, основанное на труде, вот реальность абстракции, связанной с созданием абстрактного труда. Ограждение земель было также ограждением тел на фабриках, созданием трудовой тюрьмы.

Внедрение труда часто включало уничтожение целых групп населения. Нестор Лопес (Néstor López 2006) приводит в качестве примера яганов, коренных жителей Огненной Земли, живших

там за счёт рыбной ловли и охоты за десять тысячелетий до прибытия европейцев. Европейцы убивали тюленей, которые были главным продуктом питания яганов, и разводили овец на земле, которая теперь считалась частной собственностью. Многие из яганов были убиты просто потому, что стояли на пути этого развития, остальные были превращены в рабочую силу. То, что они не очень хорошо разбирались в «труде», подтверждается таким отчетом:

Яганы не способны к непрерывной ежедневной тяжёлой работе — к большому огорчению европейских фермеров и работодателей, на которых они часто работают. Работают они от случая к случаю, и в этих случайных усилиях они могут развить значительную энергию в течение определённого времени. После этого, однако, они проявляют желание к неисчислимо долгому периоду отдыха, в течение которого они лежат, ничего не делая, не проявляя большой усталости ... очевидно, что повторяющиеся неравномерности такого рода приводят европейца-работодателя в отчаяние, но индеец к нему не прислушивается. Такова его естественная склонность. (Gusinde 1961: 27, цитируется в Sahlin 2004: 28).

Ко второй половине двадцатого века яганы полностью вымерли, целый народ был истреблён трудовым насилием.

В целом навязывание труда приняло форму навязывания наёмного труда. Крепостные, изгнанные с земель, обнаружили, что единственный способ выжить — продавать вещи на рынке, но очень часто единственной вещью, которую они могли продать, была их личная способность трудиться. Они интегрировались в рынок, продавая не пальто или полотно, а собственную рабочую силу тем, у кого было достаточно денег, чтобы купить её. Они стали рабочими, нанятыми новыми капиталистами. Это поставило их под прямое командование их нового работодателя: они были вынуждены подчиняться приказам капиталиста. То, что либеральная теория восхваляет, как освобождение крепостных, было изменением характера их рабства: от того, что они были крепостными под властью своего господина, они стали рабочими под властью капиталиста. Правда, они могли переходить от одного капиталиста к другому, но большинству людей было (и остается) трудно долго существовать, не продавая свою рабочую силу. Исторически это означало введение новой дисциплины на рабочем месте, создание труда как социальной привычки. Для этого на протяжении столетий капиталистического труда принимались законы, регулирующие труд, применялось полицейское насилие, оказывалась поддержка религиозными и образовательными институциями, использовались всё более изощренные методы управления. Бывшие крепостные научились трудиться.

Труд был навязан через расширение наёмного труда^[4]. Это важно, поскольку ясно показывает, что речь идёт не только о формировании деятельности людей, но и обо всей структуре социализации. Когда я продаю свою рабочую силу капиталисту, моя рабочая сила становится товаром. Но это влечёт за собой радикальную коммодификацию всех аспектов общественных отношений. У меня больше нет времени (и средств), чтобы вырастить свою еду или сделать собственную одежду, поэтому я могу приобрести и то, и другое только путём покупки у кого-то, кто специализируется на производстве и продаже еды. Именно тогда, когда рабочая сила становится товаром и рождается капиталистическое производство, происходит всеобщая

коммодификация общественных отношений. Всё в обществе имеет тенденцию превращаться в товар, и связь между различными процессами работы — это чисто количественная связь, измеряемая деньгами. Связь устанавливается путем абстрагирования от особенностей каждого вида деятельности. Превращение нашей деятельности в труд является центром нового комплекса социализации.

Тот факт, что труд был навязан через отношение заработной платы, также является чрезвычайно обманчивым в различных отношениях. Наиболее важным для нашего аргумента является то, что он создал иллюзию в рамках антикапиталистической традиции, что проблема капитализма заключается в наёмных отношениях, а не в самом труде. Как выразилась Krisis Gruppe: «Позором считался не труд, а его эксплуатация капиталом» (1999/2004: 16, с.6). В классической коммунистической традиции революционная борьба стала рассматриваться как борьба за отмену наёмных отношений, но не как борьба за отмену труда. Совсем наоборот (как мы увидим более подробно), борьба стала рассматриваться как борьба *труда* против капитала, тогда как наш аргумент здесь прямо противоположен: создание труда и создание капитала — это один и тот же процесс^[5], а борьба против капитала — это борьба против того, что его производит, борьба против труда.

Труд создаёт капитал, а тот создаёт капитализм, мир, построенный на труде. Труд — это жестокость и бесчеловечность, полная противоположность той сознательной жизнедеятельности, потенциально являющейся основой нашей человечности — но также он ещё и нечто большее. Труд — это паук, который плетёт сложную сеть социальных отношений. Выполняя работу, мы создаём для себя сложную тюрьму. Вот почему так тяжело просто уйти от капитала, *не служить ему более* и позволить тирану пасть. Термин «абстрактный» напоминает нам об этом. Труд, который мы выполняем на фабрике, в офисе, в университете, — это не просто тяжёлая работа: это работа по плетению паутины, процесс самозахвата. Но термин «абстрактный труд» также напоминает нам о другом: что это всего лишь одна сторона двойственного характера деятельности, и что другая сторона всё ещё ждёт нас в темноте. В дальнейшем мы рассмотрим паутину абстрактного труда, прежде чем заглянуть во тьму, в самих себя. Рассматривая различные грани господства абстрактного труда, важно иметь в виду, что есть и другая сторона, набирающая силу.

1. Поскольку английскую версию этой брошюры легче найти в Интернете, я решил сослаться на неё, указав номер страницы немецкого издания 2004 года и номер соответствующего раздела. [↗](#)
2. Отсюда удивительное замечание Постона о том, что «мы имеем дело с новым типом взаимозависимости, которая возникла медленно, спонтанно и случайно» (Postone 1996: 148). [↗](#)
3. См. Federici (2004: 62) о «переходе к капитализму»: «Данный термин ... предполагает постепенное, линейное историческое развитие, тогда как период, который он называет,

был одним из самых кровавых и прерывистых в мировой истории».

4. Постон (Postone 1996: 271) совершенно прав, настаивая на том, что категории, представленные в Главе 1 «*Капитала*», предполагают наёмный труд. Абстрактный труд исторически не предшествует наёмному труду. Постон упускает из вида, что явно противоречивый характер категории наёмного труда должен быть также отнесён к категории абстрактного труда (менее явно конфликтного).
5. См. Марх 1867/1965: 578; 1867/1990: 724: «Капитал предполагает наёмный труд, а наёмный труд предполагает капитал. Они взаимно обуславливают друг друга; они взаимно порождают друг друга».